

* Судьбы людские

МАРЦЕВЫ ИЗ КУРДОМЫ

ПРОСМАТРИВАЯ подшивку газеты «Колхозная победа» за 1941 год, я обратила внимание на заметку в номере 149 от 27 июня. Привожу ее почти полностью.

«Николай Иванович Марцев, колхозник Курдомского колхоза, был в свое время пограничником. Три года он охранял рубежи царской России от возможного нашествия немцев на священную русскую землю. Это было давно. Сейчас Николаю Ивановичу без года шестьдесят.

При Советской власти он воспитал пять сыновей—пять советских патриотов. Четверо из них уже получили закалку в нашей славной рабоче-крестьянской Красной Армии. Василий и Федор—рядовые бойцы, сын Иван (I)—командир орудия, Иван (II)—командир стрелкового подразделения.

С возмущением встретили Николай Иванович и его питомцы сообщение о нападении фашистских разбойников на границы любимой Родины. И когда была объявлена мобилизация, братья Марцевы встретили ее в полной боевой готовности.

—Мое орудие,—заявил сын-командир,—будет без промаха разить вражеские танки, пусть враг знает силу советского оружия.

Второй сын, командир стрелкового подразделения, клянется перед Родиной уничтожать вражеские силы метким огнем своего подразделения.

Три брата—патриота уже отправились на фронт. На днях уезжает четвертый—Федор.

Николай Иванович гордится своим сыновьями. Он сказал, что готов и сам, если это потребует, с пятым сыном, Алексеем, встать в любую минуту на защиту страны социализма».

Я прочитала заметку и заинтересовалась: живы ли братья Марцевы, где они сейчас?

В РАЙВОЕНКОМАТЕ передо мной положили две столы концелярских книг. Здесь похоронки—указали на одну. В первый раз я вижу целую подшивку этих «черных бумаг», как нередко называют похоронки в литературе. Они не черные вовсе—когда-то белые, а теперь порывшие от времени, невинно-голубые, и написанные на желтой, такой плотной бумаге, что выглядят как новые, только что полученные, и на хрупкой папиросной, ласкающей пальцы...

Вдруг ясно представилось, как ее, нежную, вынимают из конверта трясущиеся материнские руки, как не веря глаза черным по белому написанному «Ваш сын... убит... похоронен», как причут ее в самый дальний угол ящика комода, чтобы все равно ждать живого невредимо-

точки, как будто перелистывая страницы человеческих жизней, самые горькие, самые непоправимые. «Марцев...»—натыкаюсь глазами на фамилию, которую ищу и... не хочу найти. «Марцев Федор Николаевич пропал без вести в январе 1942 года». Извещение получила жена Марцева Клавдия Васильевна. Жена или вдова? Сколько тревожных дней и бессонных ночей ожидания пройдет, пока не станет ясно—вдова Клавдия.

«Марцев... Иван Николаевич... убит 17 сентября 1943 года... при исполнении служебных обязанностей. Похоронен 1,3 километра восточнее станции Подгорная Мгинского района Ленинградской области».

«Марцев... Василий Николаевич... Пропал без вести в апреле 1943 года». Извещение вручено Марцеву Николаю Ивановичу... назначена пенсия.

Трое из четверых ушедших на фронт не вернулись домой. Только одному Ивану—старшему или младшему?—посчастливилось снова увидеть родную деревню, Ветлугу, отцовский дом, посчастливилось остаться в живых...

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ еду в деревню Курдома, откуда старший Марцев проводил своих сыновей на войну. Давно уже нет Николая Ивановича, он умер сразу после войны, видимо, непосильной ношей оказались три бумажные листка со скучными стандартными словами. Из большой семьи Марцевых в Курдоме осталась одна Клавдия, жена Федора.

У второго дома с начала деревни на левой стороне работают двое: пожилой мужчина обихивает тесом избу, женщина копает землю. Я обрадовалась—обычно деревни днем да еще в весеннюю струю безлюдны. На мой вопрос, где живет Клавдия Васильевна Марцева, женщина показала рукой на соседний домик: «Здесь, только она в огороде». И не дожидаясь, когда последует обычная в этом случае просьба, крикнула: «Клавдия, к тебе пришли!».

Она оказалась не слишком разговорчивой, и как все замкнутые люди, смотрела сурово, без улыбки, или вдруг уходила в себя, то ли вспоминая прошлое, то ли думая о настоящем,—непонятно было. Не рассказывала, скупо отвечала на вопросы, показала старую довоенную фотографию, где была снята с мужем и сыном. Чуть ожидалась, когда я заметила одобрятельно: «Красивый, полный был Федор». Сказала потеплевшим голосом: «Они все здоровые были, крепкие». Остались от Федора письма с войны, но не нашла их Клавдия Марцева, или

молоденькой, прочитала и уехала, а ты не спи ночами, ворочайся в постели, как прежде, невольно прислушиваясь к шороху за окном. У одиноких женщин и тоска острее, и боль, как ни гони, дольше не уходит. Только в работе забывается Клавдия Васильевна, копается у себя в огороде, в совхоз на работу не отказывается выходить, хоть и пенсионерка. Так и не дождавшись совхозной лошадки, сама перекопала большую участок под картошку. Сама, ни на кого не надеясь, даже на сына. Живет Владимир с семьей рядышком, в Копылове, а вспоминает о матери, когда самому помощь понадобится, сорокалетний мужчина, сын Федора.

Нового человека заметят в деревне, даже если он пройдет по улице только раз. А мы стояли у дома Клавдии Васильевны порядочно, и я не удивилась, что к нам через дорогу пробирается согнутая временем и работой старушка в белом платке. Узнав, в чем дело, робко сказала: «И у меня был на фронте муж, я с пятерыми оставалась,—большие карие, наверно, красивые в прошлом, глаза, повлажнели.—Пришел израненный, осклиз-то долго выходили из ног. Зацах совсем и помер... А то вон еще у Маряхиной Татьяны тоже не пришел с войны...».

Много ушло из Курдомы молодых крепких парней и мужиков, оставив засеянную хлебом землю, малых детей своим женам, русским выносливым, терпеливым крестьянкам.

Рассказывает Анастасия Васильевна Дружинина, та самая женщина, которая первая встретилась мне в деревне, соседка Марцевой.

—Слов нет, тяжело было. На себе пахали... Несколько впрягались вместо лошади, одна за плугом идет.

Мужей ждали. У меня Иван Михайлович две войны отвоювал. С финской пришел, а тут опять война. Ушел в июне, пришел уже после Победы. Пришел, а другие не дождались. У Марцевых трое не вернулись...

Об этом я уже знаю. А где же остальные сыновья Марцевых: второй Иван, Алексей?

—Убили младшего Ивана, — продолжает Анастасия Васильевна,—а старший Иван пришел. Да видно застудился на войне, недолго жил и умер. Осталась Катя, его жена, с четверыми... В Звягине живет. Алексей жив. Дом у него в Красных Баках, там и работает.

Вот так стала известна судьба всех пятерых сыновей Николая Ивановича Марцева, который, провозжая своих детей на фронт, наказывал на смерть стоять за нашу любимую Родину.